

Чу Фань стоял на каменной ограде под платаном рядом с учебным корпусом, поддевая носком ботинка камешки. Занятия уже закончились, и ученики гурьбой высыпали из классов. Чу Фань был довольно высоким, и, возвышаясь на ограде, он свысока наблюдал за непрерывным потоком школьников.

Учебный корпус состоял из двух зданий: в первом размещались начальные классы с первого по третий, во втором — с четвёртого по шестой. В каждом здании было по три этажа, распределённых по параллелям. К этому моменту уроки везде закончились и здание почти опустело, лишь в третьем классе не было никаких признаков завершения занятий: учитель всё ещё стоял у доски, распыляясь в красноречии.

Чу Фань поднял голову и увидел Дэн Юя, который сидел у окна. Прячась от учителя, Дэн Юй корчил рожи и подавал ему знаки:

— Снотворное сегодня наказывает тех, кто не сдал домашку. Подожди меня.

Снотворное — такое прозвище ученики дали классному руководителю Ань Минъяо. Ученики всегда находили особое удовольствие в том, чтобы давать учителям клички. Чу Фань промолчал, лишь показал жестом, что понял, а затем присел на корточки прямо на ограде. На земле выстроилась длинная цепочка муравьёв. Он слышал от бабушки, что если муравьи перебираются на новое место, значит, будет дождь.

Когда школьный двор почти совсем опустел, а Чу Фань успел несколько раз понаблюдать за муравьями, в третьем классе наконец-то прозвенел звонок.

Дэн Юй, на ходу натягивая школьный рюкзак, поспешил к Чу Фаню. Лямки у рюкзака были длинноваты, он всё время поддёргивал их, и при беге всё его пухлое тело забавно тряслось.

— Зачем тебя сегодня вызывал Яма? — Дэн Юй вспомнил, как утром Чу Фаня перехватил Яма. Он догадывался, что тому снова устроили нагоняй: ничего хорошего от Ямы ждать не приходилось.

У Чу Фаня от долгого сидения на корточках затекли ноги. Он шагал по тротуару, пиная мелкие камешки у клумбы, и в ответ на вопрос Дэн Юя лишь пожал плечами:

— Да как обычно, велел родителей в школу вызывать.

Дэн Юй плёлся следом, совсем не удивляясь: подобное случалось каждые несколько дней, и для него, не говоря уже о самом Чу Фане, это стало привычным делом. Впрочем, сам Дэн Юй Яму побаивался — одна мысль о его вечно нахмуренном тёмном лице вызвала неприятный холодок.

Они дошли до велосипедной стоянки, забрали свои велосипеды и поехали к маленькой площади неподалёку от школы. Там всё ещё играли в шарики и карточки несколько ребят. У Дэн Юя зачесались руки.

— Поиграем? Я сегодня кучу карточек выиграл, — с гордостью хлопнул он себя по карману. Дэн Юй был толстяком, и даже в одежде самого большого размера он выглядел плотно набитым, а толстая пачка карточек сейчас выпирала из брючного кармана огромным бугром.

— Не сегодня, мама просила вернуться пораньше, сказала, есть дела.

Чу Фань повесил рюкзак на руль и, сильно оттолкнувшись, мгновенно рванул вперёд. Дэн Юй, немного поотстававший, догнал его и выразительно повёл глазами в сторону. Чу Фань посмотрел туда, куда указывал друг: у подножия новостройки рядом с площадью какой-то парень удерживал девушку. Девушку Чу Фань узнал — она сидела перед ним в классе, её звали Фу Янь. А парня, местного задиру из первой начальной школы, звали Чжэн Вэй.

Чу Фань мельком взглянул на них, и в этот момент Фу Янь заметила его.

— Чу Фань... — окликнула она его, вырвалась из рук Чжэн Вэя и побежала к нему. — Чу Фань, подбрось меня до дома, пожалуйста! — громко сказала она, стоя спиной к Чжэн Вэю, а затем тише добавила: — Помоги, прошу.

Чу Фань посмотрел за спину Фу Янь: Чжэн Вэй сверлил его глазами и угрожающе процедил:

— Попробуй только отвезти её домой.

Чу Фань ничего не ответил, лишь кивнул Фу Янь. Девушка, словно получив помилование, запрыгнула на багажник. Чу Фань со всей силы нажал на педали, велосипед вмиг рванул вперёд, пролетая несколько метров. В ушах засвистел ветер, и он уже не разбирал, что там кричал позади Чжэн Вэй, лишь уловил нечто вроде: «Ну ты дождёшься!». Объехав жилой квартал и завернув за угол, где их уже точно не могли видеть, Фу Янь слезла с велосипеда, поблагодарила Чу Фаня и скрылась в переулке.

Дэн Юй, глядя вслед уходящей девушке, проворчал:

— Кажется, Чжэн Вэй запал на Фу Янь. Похоже, вы с ним теперь заклятые враги. Ты бы видел, какая у него была рожа.

— Да плевать, пусть что хочет, то и делает, — Чу Фань сильнее налёг на педали, ускоряя ход.

Дома в старом уездном городе были довольно ветхими: у каждого свой отдельный низкий дворик, дома стояли вплотную друг к другу — можно было перелезть через забор и оказаться у соседей. Дом Чу Фаня находился недалеко от входа в переулок.

Подъезжая на своём старом велосипеде, Чу Фань издалека заметил на каменном крыльце у дома сидящего ребёнка. С такого расстояния было не разобрать, кто это — Чу Фань замер, пытаясь понять, кто бы это мог быть, но никого не узнал.

Он ещё несколько раз сильно крутанул педали и оказался у ворот. Только теперь он разглядел,

что ребёнку на вид лет пять-шесть. Тот был одет в светло-голубую футболку, настолько выцветшую от частых стирок, что она казалась белёсой. Малыш выглядел очень худым, а его лицо — бледное с желтоватым болезненным оттенком — не пыхало здоровьем. Однако на этом крошечном личике выделялись удивительно красивые глаза: огромные, с глубокими тёмными зрачками, они так живо и цепко блуждали по сторонам, словно обладали какой-то притягательной силой. Чу Фань даже растерялся, глядя на него. Чу Лян поднял голову и посмотрел на появившегося перед ним подростка. Тот был высоким, но худощавым, в белосиней школьной форме с короткими рукавами, из-под которой виднелась загорелая на летнем солнце кожа. Вид у него был какой-то на удивление приятный, вот только Чу Лян, не отрываясь, смотрел на него, и от этого ему стало не по себе. Опираясь руками о каменные ступеньки, он попятился назад.

Заметив это, Чу Фань заинтересовался. Неужели он выглядит так страшно? Почему малыш так его боится? Озорство разыграло в нем, и он уже собрался скорчить рожицу, чтобы поддразнить ребенка, как вдруг из дома вышла Жуань Вэньли и пресекла его планы.

— Чу Фань, ты что удумал? Не пугай младшего братишку! — Жуань Вэньли была в фартуке, она как раз мыла овощи и, не обнаружив на месте нового члена семьи, перепугалась не на шутку. Выскочив наружу, она увидела, как Чу Фань с ехидной ухмылкой готовится напугать ребенка, и, не раздумывая, прикрикнула на него. Этот крик не столько напугал самого Чу Фаня, сколько до смерти перепугал Чу Ляна. Едва успев встать, тот снова шлепнулся на пятую точку, издав при этом громкий звук. В его огромных черных глазах тут же заблестели слезы, а худенькое тельце мелко задрожало.

Увидев это, Жуань Вэньли уже было не до воспитания Чу Фаня. Она поспешно подхватила ребенка на руки:

— Ничего, ничего, это я на старшего брата кричала, солнышко, не плачь.

Успокаивая так Чу Ляна, она унесла его в дом, оставив Чу Фаня одного стоять у порога в полном замешательстве.

Младший братишка? Какой еще младший братишка? Откуда он взялся? С неба свалился? В телевизионных драмах пели про то, как с небес свалилась девица Линь, но чтобы с неба свалился младший брат — такого он еще не видел. Чу Фань смотрел на ворота двора, пока Дэн Юй не окликнул его, вернув к реальности.

— С чего это у тебя появился младший брат? — Дэн Юй толкнул Чу Фаня локтем и с любопытством заглянул во двор, но, ничего не увидев, разочарованно покачал головой.

— Кто ж его знает, — Чу Фань и сам не понимал, как это за один день у него вдруг объявился брат, да еще такой робкий, что страху в нем — с горошину. Чу Фань знал этот район как свои пять пальцев: он был в курсе, у кого из соседей какая собака, в каком классе учатся чьи дети, но этого малыша он точно видел впервые.

— Ладно, завтра утром загляну, я поехал, — Дэн Юй запрыгнул на велосипед и уехал.

Едва Чу Фань закатил во двор свой старенький велосипед, как до него донесся аппетитный аромат. Он принялся — пахло тушеной свининой. Мама уже давно ее не готовила, и у него потекли слюнки. Еще несколько дней назад он упрашивал ее сделать это блюдо, но мама не разрешила. Что сегодня за особенный день, раз она решила расщедриться на мясо?

— Мам, что за праздник? У нас сегодня пир на весь мир?

— Какой еще праздник? Иди лучше побудь с братишкой, ты его совсем напугал, — ответила мама, даже не обернувшись, и принялась шинковать перец.

Братишка? Какой еще братишка? Такой пугливый, от громкого голоса в слезы бросается, а если гаркнуть на него или ненароком задеть — что тогда будет? Когда я был в его возрасте, уже мог в речке рыбу ловить! — недовольно проворчал про себя Чу Фань.

— Что ты там бормочешь? Думаешь, все такие же неугомонные, как ты? Попробуй только его обидеть — я тебе покажу! — Мама высунулась из кухонного окна и прикрикнула на него. Чу Фань притих и, нехотя переставляя ноги, побрел в дом.

Войдя, он увидел, что ребенок тихо сидит на маленькой круглой табуретке. Худенький, крошечный, он сжался в комочек, но уже перестал плакать. Услышав скрип двери, мальчик поднял голову и с недоумением посмотрел на него. Его большие глаза покраснели, как у кролика. Чу Фань вдруг почувствовал, что был с ним слишком строг: малыши часто бывают диковаты. Вот у сестренки Дэн Юя в детстве тоже был такой характер — стоило ему нахмуриться, как она тут же начинала заливаться слезами.

— Как тебя зовут? — Чу Фань подошел к ребенку, присел на корточки и постарался сделать голос как можно мягче. Однако мальчик молчал. Чу Фань, набравшись терпения, снова спросил: — А сколько тебе лет? Где твои папа и мама?

Ребенок по-прежнему хранил молчание. Неужели он немой? Да нет, вроде не похоже. Ладно, проехали, будто я и не спрашивал. Терпение Чу Фаня мгновенно испарилось. Он включил вентилятор на третью скорость и повалился на татами — не хочет отвечать, ну и не надо, у него нет времени на расспросы.

— Чу Лян, — голос ребенка, слегка заложенный от слез, прозвучал очень тихо, но чисто и звонко.

Вентилятор шумел прямо у них над ухом, заглушая слова малыша. Чу Фань не расслышал и переспросил:

— Что?

Его голос прозвучал довольно громко, и глаза ребенка тут же снова налились краснотой. Малыш еще сильнее вжался в табуретку, пальцы его теребили край одежды:

— Чу Лян.

— Чу Лян? (Грубое зерно?) Что за имя такое? — Чу Фань усмехнулся. Кто же называет детей в честь злаков? Может, соя или кукуруза приходится этому карапузу родственниками?

— Чу Лян, — малыш надул губы и снова повторил свое имя.

— Чу Лян? Значит, однофамильцы? — Теперь Чу Фань расслышал отчетливо. Чу Лян, Чу Фань — какая ирония.

Малыш опустил голову, рисуя носком ботинка круги на полу. Он помнил, что тетя, когда заполняла какие-то бумаги, писала очень сложный иероглиф. Хотя он тоже читался как Чу, но был совсем не таким, как его иероглиф. Похоже, этот старший брат его не понял. Поколебавшись, Чу Лян сделал несколько робких шагов к Чу Фаню, взял его за руку и, вырисовывая пальцем на ладони, снова произнес:

— Чу Лян. Чу Фань опешил. Он учился в четвертом классе и обычно не утруждал себя запоминанием иероглифов, так что в школьных сочинениях учителя частенько обводили у него кучу ошибок. Этот иероглиф «Чу» показался ему незнакомым, но признать сейчас, что он его не знает, было бы ужасно неловко. Сдавленно усмехнувшись, Чу Фань дотянулся до лежавшего возле вентилятора словаря Синьхуа, полистал его и наконец выяснил, как зовут мальчика.

Чу Лян. По созвучию выходило что-то вроде «простой еды», но имя все равно казалось приятным.

— Как тебя зовут? — Чу Лян поднял голову, посмотрел на Чу Фаня и тихо спросил, после чего тут же снова опустил голову.

Чу Фань немного подумал, взял лежавший рядом блокнот и старательно, черточка за черточкой, написал:

— Чу Фань. Видишь? Этот иероглиф читается как «Чу».

В этот миг Чу Фань почувствовал себя учителем, который наблюдает за тем, как его ученик делает домашнее задание.

Чу Лян написал это имя дважды: Чу Фань, Чу Фань... Он впервые писал чье-то чужое имя. «Чу Фань» — ему оно очень понравилось.

Чу Фань очень удивился тому, что Чу Ляну, оказывается, уже исполнилось восемь лет. По нему и не скажешь: мальчик был слишком худым и, когда вставал, едва доставал ему до груди. Чу Фань чувствовал, что стоит ему приложить хоть немного усилий, и это крошечное тельце тут же повалится на землю. Младшей сестре Дэн Юя тоже было восемь, но она выглядела куда упитаннее Чу Ляна.

Снаружи слышались тяжелые шаги. Чу Фаню даже не нужно было смотреть на дверь — по одному только звуку он понял, что вернулся отец.

— Фань-а, лови! — отец бросил Чу Фаню куртку и сгреб Чу Ляна в охапку. — Ох ты, золотце наше!

— Товарищ Чу Цюлинь, можно называть меня как-то иначе? — Чу Фань поймал куртку. Отец вечно звал его так, а со стороны это всегда звучало как «надоед».

Отец уселся на татами, держа Чу Ляна на руках, и покосился на Чу Фаня:

— Да я как на тебя посмотрю, мне и правда тоскливо становится.

Тут уж Чу Фаню крыть было нечем. Понутив голову, словно побитый петух, он потащил отцовскую куртку к вешалке.

Чу Лян хотел было оттолкнуть этого дядю, но тот улыбался так доброжелательно... Вот только его щетина сильно кололась, отчего лицу мальчика стало больно. Он не посмел оттолкнуть мужчину и вместо этого уткнулся ему в шею. От его теплого дыхания отец залился громким смехом.

Чу Лян слегка повернул голову. Голос у этого дяди был очень зычным, и от его смеха даже немного зазвенело в ушах, но мальчик не испугался — на душе у него стало тепло. Краем глаза он заметил, что давешний подросток стоит, скрестив руки на груди, и смотрит на него. Ровные красивые зубы, слегка прищуренные от улыбки глаза... Чу Лян не знал, как это описать, но улыбался тот очень красиво. Мальчик сжал губы, и на его бледном лице проступил легкий румянец.

Заметив это, Чу Фань удивился: «Ого, почему малыш так покраснел? Неужели стесняется?» Но когда он присмотрелся повнимательнее, Чу Лян уже вернулся к своему прежнему робкому виду, а румянец бесследно исчез. Чу Фань покачал головой: наверное, показалось. И все же то, как этот малец краснеет, выглядело очень мило.

Мамина тушеная свинина в соевом соусе была невероятно вкусной, куда лучше, чем в той забегаловке. Чу Фань всегда ждал этого блюда. Ел он мало, к тому же был весьма разборчив в еде, поэтому на его костях почти не было жира. Наевшись одной пиалой риса, он положил себе вторую и принялся неторопливо есть, поглядывая на Чу Ляна. Мальчик, низко опустив голову, уплетал мясо за обе щеки. С этого ракурса Чу Фань видел только его профиль и заметил, что у Чу Ляна очень аккуратный, прямой носик. Сбоку он выглядел очень красивым, совсем как девочка.

Чу Лян молча, не поднимая головы, усердно уплетал рис из своей чашки. Дядя с тетей то и дело подкладывали ему еду. Он очень давно не ел мяса, поэтому сразу проглотил несколько больших кусков жирной свинины. Теперь во рту стало приторно, и ему захотелось попить воды.

Но стул оказался слишком высоким, ноги не доставали до пола, а видя, что взрослые заняты едой, мальчик не осмелился попросить. Он просто сидел, опустив голову и уставившись на ножки стула.

Внезапно перед его глазами появился стакан. Из-за резкого движения вода немного плеснула ему на нос — прохладная и щекочущая. Чу Лян поднял глаза и увидел улыбающегося Чу Фаня, который держал в руке стакан.

Чу Лян смутился, его маленькое личико слегка порозовело. Это был первый раз в жизни, когда кто-то налил ему воды.

— Жирно, да? Не ешь так быстро, никто у тебя не отбирает, — Чу Фань заметил, как мальчик съел несколько кусков жирного мяса, и сразу понял, что тому стало приторно. Словно под влиянием какого-то неведомого порыва он пошел и налил воды. У отца с матерью челюсти едва на пол не упали: с каких это пор Чу Фань стал таким заботливым?

Чу Лян взял стакан и сделал несколько жадных глотков. Жирный привкус во рту наконец притупился. Он опустил голову, крепко сжимая стакан в руках. Директор приюта всегда говорил, что дети должны быть вежливыми, иначе их невзлюбят. И пусть он немного побаивался этого старшего брата, все же тихонько произнес:

— Спасибо, братик.

Договорив, он от волнения слишком резко вдохнул, и вода попала ему в нос. Мальчик закашлялся, его глаза покраснели от слез.

— Ох, ну потише ты, куда так торопиться? — Чу Фань принялся легонько похлопывать мальчика по спине. Лишь спустя какое-то время тот наконец пришел в себя. С покрасневшими, полными слез глазами он показался Чу Фаню на редкость несчастным и беззащитным.

Чу Лян съел целых четыре пиалы риса. Еда была невероятно вкусной, во много раз лучше той, что давали в приюте. Он боялся, что завтра ему уже не достанется ничего подобного, поэтому старался наесться как можно сильнее, чтобы подольше не чувствовать голода. — Сяо Фань, чуть позже отведи младшего братишку умыться и почистить зубы. Самая маленькая зубная щетка — его. В шкафу твоей комнаты лежит новая пижама, не забудь переодеть его. У нас с отцом есть кое-какие дела. — Мама подошла к выходу, но, словно что-то вспомнив, дала Чу Фаню еще несколько наставлений и вышла вслед за отцом.

Зубная щетка? Новая пижама? Чу Фань отбросил пульт в сторону и опрометью бросился в спальню. На средней полке шкафа аккуратно лежала сложенная нежно-желтая пижама с рисунками в виде мультяшных персонажей. Ткань на ощупь оказалась довольно мягкой. Он приложил обновку к себе для примерки — одежда была совсем маленькой, явно не на него. Да он и сам уже давным-давно не покупал себе новых вещей.

Чу Фань приуныл. Вернувшись в гостиную, он от скуки щелкал пультом. Телевизор недавно сменили с черно-белого на цветной, но экран был крошечным, да и каналов — раз-два и обчелся, смотреть было совершенно нечего. Зато Чу Лян смотрел на экран с огромным любопытством: он и представить не мог, что у телевизора бывают такие яркие цвета. В детском доме телевизор был черно-белым и совсем маленьким. Все дети приюта сбивались в кучу, чтобы посмотреть его, а так как Чу Лян был совсем крохой, его постоянно оттесняли, и он ничего не видел. К тому же по экрану вечно бежала рябь, и изображение было нечетким.

Чу Фань уже собирался выключить телевизор, но, увидев, как малыш, не мигая, пялится в экран огромными глазищами, словно увидел какое-то чудо, решил, что это довольно забавно, и переключил на детский канал.

Дэн Юй уже давно звал его снаружи, но Чу Фань не выходил. В обычный день он бы уже давно умчался играть с Дэн Юем, но сегодня с ним был младший брат, и нужно было присматривать за ним. От нечего делать он подошел к окну и увидел родителей, сидящих во дворе. Они, казалось, что-то обсуждали, и он смутно уловил слова о детском доме, усыновлении и переводе в другую школу.

Когда он обернулся, малыш уже не смотрел телевизор. Его круглые глазки были устремлены на Чу Фаня. Поймав его взгляд, ребенок поспешно опустил голову и принялся тереть пальцы. Чу Фань усмехнулся: этот малец был таким забавным.

— Чу Фань, живо умываться и спать, завтра еще в школу идти! — крикнула мама из двора.

Чу Фань с детства привык все делать сам, но забота о ребенке была для него в новинку. Он сполз с дивана на пол и, отряхнувшись, встал на ноги. Сказав малышу, что пора идти умываться, он направился в ванную. Чу Фань всегда был прилежен только в том, что касалось мытья, в остальном же мама постоянно его подгоняла. Сейчас, закончив купаться, он обнаружил, что забыл взять одежду. Выйдя из ванной абсолютно голым, он увидел, что мальчишка таращится на него своими и без того большими глазами.

— На что уставился? — Чу Фань потряс головой, как собака, разбрызгивая воду на зеркало, висящее на стене, отчего оно покрылось каплями. Заметив, что ребенок по-прежнему не сводит с него глаз, он добавил: — На птичку смотришь? А у тебя она есть? — Он смахнул воду с плеча и завернулся в банное полотенце.

Чу Лян молчал. Он смотрел на обнаженного Чу Фаня, и в голове у него была пустота. К тому моменту, как он пришел в себя, Чу Фань уже надел пижаму.

— О, а неплохо вышло, — Чу Фань заглянул в ванную и увидел, что мальчик уже почистил зубы. Судя по всему, зубную пасту он не проглотил. Такая покладистость Чу Ляна заметно облегчала ему задачу. Сейчас Чу Лян стоял на цыпочках, пытаясь дотянуться до полотенца, но был слишком мал, и потому растерянно смотрел на Чу Фаня своими круглыми глазищами.

Чу Фань не удержался от улыбки. В восемь лет — и такой крохотный? Неужели он так и

останется коротышкой? Скорее всего, он просто еще не успел вырасти, а сам Чу Фань в восемь лет был уже довольно высоким.

После умывания Чу Фань пригляделся и понял, что ребенок на самом деле очень красивый. От горячей воды маленькое личико покраснелось и больше не выглядело таким бледным. Нежно-желтая пижама придавала ему очаровательный и беззащитный вид. У мальчика были прекрасные большие глаза, но он был слишком худым — ни на лице, ни на теле почти не было жирка. Вот если бы он хоть немного поправился, было бы совсем хорошо.

— Где будешь спать: у стены или с краю? — Чу Фань убрал разбросанные по всей кровати комиксы и взбил одеяло.

— У стены, — тихо, как котенок, ответил ребенок, по-прежнему выглядя испуганным. Чу Фань вздохнул: сколько же времени пройдет, прежде чем тот привыкнет к нему? Голосок у мальчишки был такой тихий, что, если не прислушиваться, ничего не разберешь.

Чу Лян снял обувь и первым забрался к стене. Кровать была довольно широкой, места хватало обоим. У Чу Фаня была привычка спать в темноте — даже малейший свет мешал ему уснуть.

Внезапная темнота напугала Чу Ляна. Он осторожно придвинулся ближе к Чу Фаню. Тот обычно спал без пижамы, в одних трусах, поэтому, когда пальцы Чу Ляна коснулись его гладкой спины, он отдернул руку, словно от удара током.

— Боишься темноты? — Чу Фань почувствовал, как ребенок дрожит, и, перевернувшись со спины на бок, лег ровно. — Если боишься, придвинься ближе. Все равно сегодня ночью не жарко.

Чу Лян ничего не ответил, лишь еще немного пододвинулся, стараясь при этом не касаться тела Чу Фаня.

<http://bllate.org/book/21148/2144251>